

— Неужели это вы тогда повлияли на смену пьесы и... продвинули меня на эту роль?

— Да, я этому весьма поспособствовал.

— Но почему?! Зачем вам нужна была именно я? Ведь мы даже с вами не знакомы...

— Ошибаетесь, Марьяна Алексеевна. Мы уже давно с вами на короткой ноге...

— Но как это?! Кто вы?

Она с беспокойством вглядывалась в темноту зала перед собой, в то место пространства, где чернота обретала размы-

тые контуры силуэта. Ей сделалось жутко и хотелось прокричать: «И долго мы с вами будем вот так стоять по разные стороны света и тени?» И тут же очень четко, уже не разбирая, мысли это или произнесенные вслух слова, услышала: «Ко

мне в темноту ты сойти еще успеешь».

— Марьяна Алексеевна, вы лучше присядьте пока, — произнес Вальден. — Мне, право, неудобно сидеть, когда передо мной стоит дама.

— Кто вы? — нервно повторила она, машинально садясь на оказавшееся рядом кресло.

— Так и хочется ответить словами немецкого классика. Но нет, это привнесло бы излишний пафос. Видишь ли, не всегда полезно произносить вслух некоторые вещи. Я режиссер пьесы. Чего тебе еще непонятно?

— Но если не вы... то кто все-таки ее автор?

— У моей пьесы нет автора, — прозвучал ответ. — Она написана жизнью своих персонажей. Правда, под моим чутким водительством. В жизни ведь вообще каждый играет роль, которую пишет для себя сам. Остается только сделать хороший зачин, внести некоторые режиссерские прав-

ки в повседневность — и разыгрывается удивительная драма...

— Вы хотите сказать, что взяли идею для пьесы из жизни?

— Я хочу сказать, что моя пьеса играется не только на сцене.

Марьяна осознала, что уже давно испытывает внутреннюю дрожь, похожую на озноб. Казалось, зал наполняет вязкая пробирающая сырость, от которой было холодно и тоскливо внутри.

— Скажу больше, — продолжал Вальден. — Истинное творчество как раз выходит за рамки произведения, холста, партитуры, сцены — оно насквозь пронизывает нашу жизнь. Об этом мечтали, к этому стремились во все времена те, кто дерзновенно приступал с резцом, кистью или пером к Великому Деланию. Но лишь единицы понимали, что задача очень близка к находению философского камня, когда жизнь с искусством соединяются, как сера и ртуть в сосуде алхимика... И вот пьеса переро-

ждается в мистерию. Драматургия уступает место теургии...

— Неужели ее сюжет должен повториться в жизни?

— Вы поразительно догадливы, Марьяна Алексеевна. Написанная однажды, эта драма повторяется вновь и вновь, и каждое новое поколение актеров вливает в нее свежую кровь.

Девушке вдруг показалось, что в черноте зрительного зала носятся беспокойные тени и лишь стена света защищает ее от них. Марьяне сделалось по-настоящему страшно — единственным ее порывом было бежать. Но куда? В темное пугающее пространство? В этот критический момент страх вытеснил ее обычную стеснительность: к ней неожиданно пришло отчаяние, но вместе с ним и дерзость.

— Эта пьеса открыла мне сердце, а потом заполнила его темнотой! В этом и есть ваша теургия?

г. Москва

